

Ф. П. Сороколетов. История военной лексики в русском языке (XI—XVII вв.). — Л., изд-во «Наука», 1970. 381 стр.

Лексика русского языка в истории системных связей между ее единицами, необычной обширности и подвидности их, еще не изучена как целое. Наши знания касаются большей частью происхождения или истории отдельных лексем, реже тех или иных групп слов и семантических полей и пока не дают возможности для широких обобщений, в частности, для установления функционально-стилистических сфер применения языка и представления его в системе. Естественно поэтому, что в имеющихся пособиях по истории древнерусского языка раздел «Лексика» либо совсем не представлен, либо содержит отрывочные сведения. В свете сказанного и следует оценивать книгу Ф. П. Сороколетова.

В рецензируемой монографии исследуются пути формирования весьма значительного пласта древнерусской лексики (~1500 слов, относящихся к военному делу) на протяжении огромного и сложного исторического периода — с XI в. вплоть до середины XVII в. Выбор для исследования указанного пласта слов вполне оправдан как с лингвистических, так и с культурно-исторических позиций. Особенностью выбранного метода исследования, который во многом способствовал успеху анализа, является совмещение тематической классификации изучаемого материала с его лексико-семантической группировкой, сочетание языкового подхода с культурно-историческим.

Ф. П. Сороколетов убедительно показывает, что исследуемая лексика представляет собой не набор разрозненных, изолированных единиц, а подчинена, несмотря на известную «открытость», системным связям и отношениям, которые порождаются: а) отношениями между предметами и явлениями самой действительности. Состояние военных сил в различные исторические периоды (особенно в периоды более прогрессивных форм общественных отношений) характеризуется определенной упорядоченностью, организующим моментом, противопоставленностью реалий. Это обстоятельство тотчас же обнаруживается в языке; б) принадлежностью слов к одной лексико-семантической группе, например *полкъ, рать, дружина, сила, люди; воевода, голова, атаманъ, полководецъ, сотникъ* и т. д.; в) семантической общностью слов, входящих в ту или иную лексико-семантическую группу, наличием синонимических связей между словами. Так, многозначные слова *полкъ, рать, дружина, вои* обладали в древнерусском языке (т. е. в XI—XIII вв.) общим значением «войско, вооруженная сила» (стр. 291—293); благодаря общему значению в течение определенного периода устанавливались устойчивые (инвариантные) лексико-се-

мантические отношения между этими словами. Системные отношения хорошо прослеживаются там, где несколько слов-терминов служат для наименования одного понятия. Например, для названия война-знаменосца существовали слова: *стяговникъ, стяжъникъ, знаменъникъ, знаменосецъ* (стр. 113); г) взаимодействием военной лексики одного тематического разряда с лексикой других тематических разрядов, а также со словами нетерминологического характера, с функционально ограниченной лексикой старославянского языка, с лексикой иноязычной. Все это осложняет картину функционирования военной лексики и свидетельствует о том, что лексика и фразеология «не являются механическим, бессистемным и случайным собранием разнородных элементов, а представляют собой определенную систему» (стр. 350), хотя и не вполне выработанную; д) наличием целого ряда микросистем в системе военной терминологии. Такого рода микросистемами являются, например: названия родов войск; наименования воинов по профессиональному признаку; название воинов по служебному положению; названия способов боя и тактических приемов и мн. др. (см. стр. 355); е) существованием в терминологическом ряду семантически опорного слова, вокруг которого группируется серия частных наименований; при этом опорный термин является обобщающим, родовым наименованием, по отношению к которому зависимые от него термины выступают как видовые. Таким термином, например, было слово *воин*. Видовыми терминами к этому слову служили в древнерусском языке частные наименования воинов: *пѣшъць, коньникъ, свѣць, стрѣльць, бренидьць, лоденикъ* и др. под. (см. стр. 100—112); ж) принадлежностью слов, образующих ту или иную тематическую группу, к определенному словообразовательному типу (ср., например, наименования воинов по профессиональному признаку: *забралъникъ, копейникъ, стяжъникъ, стрѣльникъ* и др. под. — (стр. 112 и сл.). Сюда же примыкают и слова, образованные от одинаковой основы.

Несомненной заслугой автора является и то, что система военной лексики предстает не как некая статическая отвлеченность, а в динамике, в движении, в процессе функционирования на протяжении семи столетий. Автор выявляет экстралингвистические причины изменения в отдельных ее звеньях (микросистемах), в то же время обращая внимание на сдвиги семантико-стилистического плана, обусловленные внутренними закономерностями развития языка. Это дало возможность Ф. П. Сороколетову дополнить и представить в системе сведения не только

о военной лексике, но и о военной организации, существовавшей на Руси (воинские единицы, субординация входящих в них социальных прослоек, уровень военной техники и т. п.). Так, он показывает, как с ростом и укреплением Московского государства растет и совершенствуется военное дело, появляются новые виды оружия, по-новому организуются вооруженные силы, меняется тактика боя и как все это находит непосредственное отражение в языке (стр. 135—160, 186—190, 200—203, 209—212 и др.). Например, указывается экстралингвистическая причина более позднего появления у собирательного существительного *дружина* сингулятива *дружинник* (при параллельном существовании *гридь* — *гидин*, *рать* — *ратник*), связанная с весьма сложным, четко дифференцированным социальным составом древнерусской дружины (стр. 68).

В книге хорошо показано, что формирование системы военной лексики представляло непрерывный процесс, что количественные изменения лишь со временем привели в ней к изменениям качественным (по существу только во второй половине XVII в.), что резкой ломки системы при переходе от древнерусского языка к языку русской народности не было. Вместе с тем оказались раскрытыми те особенности, которые были присущи военной лексике древнерусской (XI—XIV вв.) и более поздней поры (XV—XVII вв.). Определенное противоречие во взглядах автора мы видим в том, что Ф. П. Сороколетов рассматривает «развитие лексики русского языка от XI до середины XVII вв. как историю развития одной лексической системы» (стр. 4). Однако он не разъясняет, как это согласуется с общепринятым разграничением древнерусского и собственно русского языков как разных систем и с предложенной им самим периодизацией истории военной лексики, включающей даже не два, а три этапа: XI—XIII (XIV), XIV—XV (XVI), XVI—XVII вв.

Ф. П. Сороколетов характеризует рассматриваемую систему как открытую, имеющую широкие связи с другими элементами словарного состава. Можно полностью согласиться с тезисом автора, что «для древнерусской военной терминологии... характерно не столько наличие особых терминов, речений или особых значений, не существующих в общенародном языке, сколько своеобразные отношения различных специализирующихся слов со словами общелитературного языка, отношений, в которых можно наметить известную систему, отражавшую в то время систему военного мышления, систему военных понятий» (стр. 30). Это значит, что для «изучаемого периода... можно говорить лишь о становлении специальных терминов и системы военной терминологии» (там же).

Более того, Ф. П. Сороколетов не переносит ходячие представления о характере терминов (однозначность, отсутствие синонимов и др.) на древнерусский период, не модернизирует и не упрощает их природу. Он утверждает вполне справедливо, что терминология как часть словарного состава языка теснейшим образом связана с ним и «развивается по тем же законам, что и весь словарный состав» (стр. 356). Однако смущает слишком категоричное утверждение, что «различия между термином и нетермином надо искать не в плане выражения» (стр. 29), что термины, как и неспециальные слова, оформляются «структурно-грамматически» одинаково. Это, возможно, правильно по отношению к изучаемому периоду и ко многим современным терминам, но следует иметь в виду, что в связи с развитием терминологической системы русского языка, ее специализацией, усилившейся дифференциацией функционально-стилистических средств языка появляются и особые средства для образования терминов. Ср. хотя бы популярные с недавнего времени суффиксы: *-ма* в лингвистике, *-трон* в физике, *-он* в химии и т. п.

Автор проследживает сложные и нередко противоречивые факторы, участвующие в формировании термина, показывает механизм выработки терминологической системы в процессе развития языка, выявляет разнородные, часто сталкивающиеся тенденции, ведущие к специализации значения слова.

В процессе становления термина между несколькими параллельно существующими словами военного содержания, обозначающими одно и то же понятие, возникает конкуренция. В результате такой борьбы наблюдается: а) семантическое расхождение, размежевание конкурирующих слов. Например, в конце XVII в. в слове *ополчение* происходит семантический сдвиг: оно начинает обозначать «войско, собираемое в помощь регулярной армии». Это вызвано появлением слова *армия*, которое стало передавать общее понятие о войне (стр. 172 и сл.); ср. также семантическое расхождение и смысловую дифференциацию между терминологическими словосочетаниями и словами *служилые люди* и *ратные люди* (стр. 176 и сл.); *стрѣльць* и *тулавецъ* (стр. 223); *еговода* и *голова* (стр. 239—240); б) исчезновение одного или нескольких слов, не выдержавших конкуренции. Так, слово *станъ*, служившее в языке XV—XVII вв. основным наименованием военного лагеря, окончательно вытеснено из языка синонимический ряд *товарь*, *шатерь*, *колымагъ*, *таборъ*, *кошь* (стр. 194—200). Возможна также замена ряда слов одним родственным. Например, термин *пѣхота* в начале XVII в. сменил такие однокоренные термины, бытовавшие в старший период древне-

русского языка, как *пѣшцы*, *пѣшие люди*, *пѣшие* (стр. 353); в) устранение семантической слитности, нерасчлененности. Как показывает исследование Ф. П. Сороколетова, военные и невоенные аспекты в семантике соответствующих слов не были строго дифференцированы: например, они совмещались в слове *городовой* («военный» и «полицейский»); в словах *кузнецы* и *плотники* военные значения теснейшим образом переплетались с ремесленными и т. д. Такой семантический синкретизм отражал состояние реалий. Впоследствии у таких слов оставалась одна семантическая функция, другие значения постепенно исчезали; г) перераспределение мест в синонимическом ряду; д) утверждение в языке однозначного слова-термина, который одерживает победу над многозначным наименованием. Таков, например, термин *вѣстовой*, вытеснивший в более позднюю эпоху многозначное слово *вѣстовыицкъ* (стр. 214—215) и т. д.

Ф. П. Сороколетов во многом пополнил или уточнил наши представления о военной лексике. Полная история многих терминов (*дружина*, *рать*, *воевода*, *стрѣльць*, *коньникъ* — *коневыицкъ* и т. д.) в его книге оказалась освещенной впервые и исчерпывающе. В монографии показана исконно славянская словарная база военной лексики, которая пополнялась в основном за счет внутренних источников (переосмысление существующих слов, новообразования по тем или иным моделям). Несомненными находками являются выявленные Ф. П. Сороколетовым собственно русские новации (например: *рать* в значении «войско, вооруженные силы», *полкъ* в значении «определенная часть войска; сражение; военный поход», а также *берладьникъ*, *загоныицкъ*, *подсада* и ряд других), о которых мы знаем до сих пор явно недостаточно. В книге раскрыты источники заимствований, которые были незначительными (стр. 250). Специально останавливается автор и на диалектных вкраплениях в общерусском фонде, иллюстрируя их семантическую специфику (стр. 304) и малочисленность.

Автор стремился наряду с семантической характеристикой терминов дать функционально-стилистическую (*воинство*, стр. 162, *ополчение*, стр. 173 и др.); хронологически прикрепить появление и исчезновение того или иного термина, создание или разрушение соответствующих синонимических рядов; показать тенденции терминологизации и детерминологизации, деривационные возможности рассматриваемых терминов (*война* — *военный*, *воинский*, *воиницкъ* и т. д.), формирование на их основе совокупностей устойчивых сочетаний, отражающих дифференциацию обозначаемых понятий (*дружина передняя*, *лутшая*, *старшая*, *лепшая* и т. п.), внутрисистемные отношения между исконно русскими словами

и заимствованными при близости их семантики (*полкъ* — *режиментъ*, стр. 149); разграничить среди иноязычной лексики по существу экзотизмы, обозначающие явления, не свойственные русской жизни, и слова, заимствованные вместе с определенными предметами (стр. 250), раскрыть всю сложность процесса их освоения.

Много ценных и тонких наблюдений содержит этот труд по отдельным частным вопросам. Выводы и наблюдения автора строятся на основе огромного фактического материала, почерпнутого из различных письменных памятников древнерусского и старославянского языков; эти наблюдения опираются на материалы картотеки ДРС, на диалектные источники и т. д. Автор широко использует данные славянских языков. Книга написана просто и доходчиво, отличается композиционной стройностью.

В числе недостатков можно было бы назвать следующие.

1. Автору не везде удалось очертить границы распространения системных отношений в сфере военной лексики и фразеологии. Поэтому отдельные тематические разряды, нередко составляющие особую микросистему, не нашли своего отражения в книге. Сюда можно отнести, например, слова, обозначающие предметы вооружения (*копьѣ*, *стрѣла*, *лукъ*, *мечъ*, *клинокъ*, *сабля*, *сулица*, *боевой топоръ*, *булава*, *кистень* и т. д.).

2. В книге нет необходимой четкости в толковании семантики некоторых терминов. Так, неправомерно приписывать существительному *вои* значение ед. числа (стр. 79), к тому же на основании одного примера, имеющегося в «Материалах» И. И. Срезневского: «Имате ли воѣ (Мф. XXVII. 65. Четвероев.)». Форма *воѣ* здесь — вин. падеж. мн. числа от *вои* «войско». Не случайно, что в Остромировом евангелии на месте этой формы стоит *коустодиѣ* в значении «полк воинов». Соотносительной формой ед. числа к *вои* «войско» было не *вой*, а *воинъ*, зафиксированное уже в древнерусском языке существительное *вои* производным *воинъ*. И так ли прозрачна внутренняя форма слова *вои*, как утверждает автор (стр. 78)? На каком основании строится предположение о его первоначальной семантике «военный; принадлежащий войску», если единственным исторически засвидетельствованным значением является «войско» и само производное *войско* относится к древнерусскому периоду?

Не подтверждено также примерами (стр. 81), а потому вызывает сомнение

существование формы ед. числа *оимъ* «воин» (при наличии слов *оимы*, *оиминъ*), ибо слова, особенно заимствованные, лишь по внешнему виду могут совпадать с формой мн. числа, не являясь таковыми по существу (ср. *татары* — *татаринъ* при отсутствии формы ед. числа *татарь*).

3. Автор рецензируемой книги при анализе некоторых производных не учитывает характера словообразовательного типа, по которому они созданы, деривационного значения соответствующих аффиксов. Поэтому, например, утверждение, что «суфф. *-иць* вносит (в производное *полчиць*. — В. Ж. и В. М.) значение увеличительности вместе с пренебрежительно-презрительной экспрессией» (стр. 48), не соответствует действительности. Во-первых, весьма сомнительно, чтобы рассматриваемое слово имело начальную форму на *-ь* и, следовательно, суффикс *-иць*, ибо последний в древнерусском языке был по значению близок к современному *-ёнок* (*богатиць* «сын богача», *детиць* «дитя», *женимиць* «сын наложницы», *козлиць* «теленок»). В этом случае производное *полчиць* означало бы «сын полка», что никак не вяжется с контекстом «Оузрѣша ины полчиць, свинью великую, которая баше

вразилася въ возники Новгородскыѣ» (Новг. I л., 6776 г.). Во-вторых, если предположить, что в данном слове имеется суффикс *-ище* с видоизмененным конечным гласным, то надо доказать, что этот суффикс имел здесь увеличительное, а не усилительное значение (см., например, в словаре В. Дала: *пблчище* «рать, войско, ополчение; полк, толпа, ватага» и *полчища* «большой полк», *пблчища* мн. «сильная рать, войско»).

Резюмируя сказанное о книге Ф. П. Сороколетова, еще раз подчеркнем, что это первое исследование, в котором большой пласт тематически отобранной древнерусской лексики, объединяющей ряд лексико-семантических групп, представлен в системе. Ее история, отражающая особенности процесса терминологизации слов в древний период и специфику самих терминов, прослежена на протяжении семи столетий. Общие выводы автора об источниках и путях формирования военной лексики на Руси, об ее отношении к нетерминированному словарному фонду, о ее функционально-стилистическом распределении и перераспределении в древнерусском языке, о внутрисистемных «взаимоотношениях» не подлежат сомнению.

В. П. Жуков, В. И. Максимов

«Noul Atlas lingvistic român pe regiuni. Oltenia». I, II, întocmit sub conducerea lui B. Cazacu, de T. Teaha, I. Ionică și V. Rusu. — București, 1967; 1970.

«Atlasul lingvistic român pe regiuni. Maramureș». I, de P. Neiescu, Gr. Rusu și I. Stan. — Timișoara, 1969.

Особенности говоров румынского языка отражены на картах трех лингвистических атласов, опубликованных в течение 60 лет. Это «Linguistischer Atlas des dakorumänischen Sprachgebietes» Г. Вейганда (WLAD), вышедший в свет в 1909 г. в Лейпциге, «Atlasul lingvistic român» (ALR) С. Попа и Э. Петровича, подготовленный и изданный под руководством С. Пушкарю с 1938 г. по 1942 г. (Клуж — Сибиу — Лейпциг), а с 1956 г. по 1969 г. в новой серии под руководством Э. Петровича (Клуж), и «Noul Atlas lingvistic român pe regiuni» (NALR).

Инициатором создания региональных лингвистических атласов румынских говоров является акад. Э. Петрович. Необходимость нового атласа объясняется тем, что сетка старого ALR слишком редка (около 300 пунктов)¹.

На конференции румынских диалектологов, которая состоялась в Бухаресте

16—18 апреля 1958 г., был обсужден проект составления Нового румынского лингвистического атласа по областям. За годы социалистического строя произошли существенные изменения: общественно-экономические преобразования, повышение культурного уровня масс, широкое влияние литературного языка, значительные передвижения населения и др., которые повлияли в большой степени на состояние устной местной речи².

Новый румынский лингвистический атлас (NALR) объединит восемь региональных лингвистических атласов. Семь атласов включают дакорумынские говоры по историческим областям (Банат, Кришана, Марамуреш, Молдова и Буковина, Мунтения и Добруджа, Олтения и Трансильвания), а восьмой — три исторических диалекта к югу от Дуная — маке-

¹ E. Petrovici, Sarcinile actuale ale dialectologilor din R.P.R., «Fonetica și dialectologie», I, 1958, стр. 208.

² B. Cazacu, Noul Atlas lingvistic român, I. Oltenia, «Studii de dialectologie română», București, 1966, стр. 57.